

АГНЕЦ БОЖИЙ

ТЕОНА МОН

Теона Мон
Агнец Божий

«Автор»

2026

Мон Т.

Агнец Божий / Т. Мон — «Автор», 2026

В суровом мире, где человечество уже столетие ведет изнурительную войну с чудовищами, переплелись судьбы двух одиноких душ. Камелия — бессмертная девушка с проклятым даром, которую местные жители прозвали демоном, устала от бесконечной боли и вечного одиночества, влача существование под шепот таинственного голоса Нафанаила. На юге же молодой принц из побежденного царства Алипед, Мельхиор, отправляется в опасную цитадель Барбаросса, чтобы выжить среди чужих интриг, завоевать уважение сурового главнокомандующего Бертрона Кастиля и однажды отомстить за свой дом. Их пути неизбежно пересекаются на ледяных границах, где сталкиваются миры людей, монстров, забытых пророчеств и жажды мести.

© Мон Т., 2026

© Автор, 2026

Теона Мон Агнец Божий

Глава 1

То, что мы не помним, не означает, что этого не было...

Глава 1. Единственный выживший

Пророчество

«Прекрасное дитя, что прожило жизнь в несчастьи...

Ты должна встать на путь, приготовленный для тебя нами,

и защитить людей — столь же грешных, как твой горделивый род.

В этой дороге, где неведомо ни начало, ни конец,

не будет никого, кто понесет твою ношу.

Ты должна идти одна.

Отбрось прочь тягостные чувства и ненужные эмоции.

Ты — не желанная дочь матери.

Ты — ненавистный ребёнок отца.

Ты — убитая руками собственных братьев.

Верь только себе.

Прими боль. Терпи. Никто не поймёт тебя, никто не утешит.

*И возможно через тот срок, который казался бы столь долгим и в то же время столь малым, ты обретешь долгожданный покой
...среди клеверов, спрятанных в кустах роз,*

посаженных в твою честь.»

Когда Камелия пришла в себя, она стояла посреди поля, усеянного телами. Мёртвые — люди и монстры — покрывали землю плотным слоем на целый километр вокруг. Не осталось ни клочка свободной земли.

Вся в крови — от макушки до пят — она стояла, как статуя, с вытянутым вперёд мечом. Пустые глаза смотрели в одну точку. Потом она глубоко вдохнула... и опустила клинок. Бой был окончен.

На поле не осталось никого в живых, кроме неё. Только вороны, слетаясь на запах крови, каркали с разных сторон.

— Я покорно приму боль...

и проявлю терпение...

Она опустила взгляд и встретила с мёртвым глазом солдата. Левая часть его лица отсутствовала — вероятно, снесена ударом чудовища. Но правая — сохранила выражение страха. Такого, с которым не умирают спокойно.

Они не шли в бой, чтобы умереть. Они шли, чтобы выжить. Но война не терпит ошибок.

Очередная битва. Очередные потери. Казалось бы — привычная картина. Но Камелия всё ещё не могла привыкнуть. Каждый раз — будто воронка, всасывающая в отчаяние.

А ведь в начале пути она думала, что это будет легко. Как же она ошибалась.

Как же сильно... хотелось умереть.

Она отшатнулась и упала на землю. Боль прошла тело. Усталость, спрятанная до этого, хлынула волной. Она не замечала её, пока боролась за жизнь, которую так хотела оставить.

Всё-таки я человек... — горько подумала она. — Цепляюсь за жизнь, дарованную Богом... хотя каждый день — прошу Его отнять её у меня. Жалкая...

С этими мыслями Камелия провалилась в сон без сновидений. Оставшись среди мёртвых. А голодные звери уже крались по запаху.

— Ворон клонит твой глаз!

Крик в голове разбудил её. Глаза распахнулись. На голове сидел ворон. Он уже собирался клюнуть.

— Нет!

Она резко дёрнулась, сбросив птицу. Рядом — лицо солдата. Искривлённое, покрытое засохшей кровью. Похоже, ворон начал с него.

Солнце клонилось к закату, заливая поле багряным светом. Но даже этот тёплый оттенок не мог скрыть кровь, смерть и тяжёлый, тошнотворный запах.

— Их нужно предать земле...

«Это бесполезно. Надо сжечь.»

— Но как?

«Собери их вместе. Остальное — я сделаю.»

Камелия встала и начала тянуть тела — одно за другим — к центру поля. Она старалась укладывать их так, чтобы от всех сторон было примерно одинаковое расстояние.

Первым делом она оттащила трупы от реки Левиафан. Её воды были алыми, как кровь. Ни живые, ни мёртвые, даже монстры — никто не мог её коснуться. Те, кто пробовал, сгорали или плавились моментально в агонии.

Но Камелия могла. Она могла пить эту воду. Могла заходить в реку, будто река принимала её.

Она продолжала работать: тянула монстров, мёртвых солдат. Живот ныл от голода. Солнце ушло. В небе светила луна.

Звери лакомились телами — сытно, спокойно, не трогая живую. Но даже это её не остановило. Она выполняла приказ. Изголодавшись, ела ягоды, траву, даже грибы — не зная, ядовиты ли они. Её это не волновало.

«Ты должна поторопиться.»

— Прекрати... Я не настолько сильна, чтобы справиться быстро. Здесь... минимум тридцать тысяч тел. Это займёт неделю. Или больше.

Она уже не помнила, когда впервые услышала голос. Сначала думала, что сходит с ума. Даже пыталась «вылечиться». Потом смирилась. Со временем голос стал единственным, с кем она могла говорить.

«Когда взойдёт солнце — сюда придут люди из крепости.

Продержись.»

— Всегда одно и то же. Ты выжимаешь меня до капли. Хоть за меня это могли бы сделать другие. Но нет — снова я. Как будто ты нарочно добиваешь. Это твоя цель, да? Выжать всё до конца?

«Нет. Ни в коем случае.

У меня другая цель, Камелия.

Я хочу, чтобы ты была счастлива.»

— Поэтому ты снова и снова шепчешь мне — «иди, убивай, таскай, гни в грязи»? Так выглядит твоё «счастье»?

Голос замолчал. Камелия не ждала ответа. Она тянула тела, как и раньше — падала, ползла, тащила, задыхалась, сдирала кожу с ладоней. Было больно. Но она продолжала.

«...Тебе не дадут умереть. Пока не сделаешь всё, что они требуют. Я лишь хочу, чтобы ты успела. И упокоилась с миром.»

Камелия остановилась. В её взгляде не было ничего — ни боли, ни гнева. Только тишина.

Она моментально вспомнила слова нашептанные ей перед возвращением к жизни и многочисленные свои попытки умереть. Потерянная душа не могла ничего кроме как свыкнуться и принять свою судьбу, волоча нежеланную тоскливую жизнь на дне кошмара, куда была сброшена столетия тому назад..

— Я покорно приму боль...

и проявлю терпение, — прошептала она.

...Я люблю тебя.

Камелия.

Моя прекрасная принцесса...

Глава 2. Украденная душа

Из-за тирании Королевы Феодосии Прекрасной, главнокомандующий и по совместительству дядя шестнадцатилетнего наследного принца Сераписа — герцог Бертран Кастиль — устроил заговор против вдовы своего умершего брата. Обвинив правительницу в измене королю при его жизни, он сослал её в дальний монастырь, а её любовника повесили на главной площади. Расточительность, жестокие налоги, кровожадные указы и бесконечные балы знати, которые устраивала королева во время тяжёлых времён, усугубили положение простолюдинов. Уже сто лет как длилась война с монстрами, и когда Феодосию свергли, народ праздновал её изгнание с тем же энтузиазмом, как если бы одержал великую победу над врагом.

Этот момент должен был войти в историю как освобождение от тирании, но после её падения почти ничего не изменилось. Некоторые налоги и законы были отменены — только для того, чтобы предотвратить восстание. Королевство оставалось в застое, а жадные аристократы наперегонки стремились услужить молодому принцу и его дяде, который, вместо того чтобы захватить трон, усадил в него своего племянника и беззаветно поддерживал его.

Среди этих шакалов, где каждый был искусным интриганом и манипулятором, мечтающим о куске власти, юный король чувствовал себя одиноким и уязвимым. Ему нужен был союзник, которому он мог бы полностью доверять. И хотя двор настаивал на кандидатуре герцога Бертрана, Серапис избрал своего старого друга — Варфала, бывшего конюха.

Когда-то Варфал спас принца от гибели под копытами взбесившегося жеребца. С тех пор между ними завязалась крепкая связь. В благодарность Серапис назначил его главным конюхом, одарил богатством и отправил учиться в академию Дион — учреждение, куда допускались лишь аристократы.

В глазах короля не было никого более подходящего. Он сам вытащил Варфала из нищеты и считал, что его друг предан ему без остатка. Серапис ни в чём не отказывал своему подданному и был уверен в его искренности.

Решение, принятое в одностороннем порядке, вызвало недовольство знати, но никто не осмелился возразить из-за влияния Бертрана, державшего двор в узде.

— Вы, как главнокомандующий, должны защищать наши границы, — произнёс Серапис, восседая на троне. Его тело ещё не покинуло детскую угловатость, лицо было моложавым, а голос — звенящим. — Отправляйтесь на север, к границе, где прорываются монстры. Устраните угрозу.

Зал замер. Все понимали: власть Сераписа держится на фигуре герцога. Его отъезд был слишком значимым решением.

— Прошу простить мою дерзость, — поклонился маркиз Ворман Валуа, — но, Ваше Величество, герцог — ваш верный сторонник и единственный родственник. Без него могут возникнуть затруднения с управлением магнатами.

— О каких трудностях ты говоришь?! Я — законный король. Кто посмеет идти против меня?!

— Конечно, никто, — тут же отозвался Валуа. — Прошу простить мою старческую глупость. Ваши слова — истина.

Маркиз бросил осторожный взгляд на Бертрана, тот молчал. Затем — на Варфала, виновника происходящего. Он вызывал у Валуа отвращение.

— Ваш слуга повинуется, — спокойно произнёс Бертран, поклонившись.

Маркиз едва не сорвался, но, как и всегда, удержал на лице сдержанную, вежливую улыбку.

— Отлично. Отправляйтесь немедленно.

Молодой Серапис боялся своего дяди. Тот уже однажды устроил переворот. Слова Варфала, что Бертран хочет управлять страной из тени, только усиливали подозрения. Юный король лелеял мечту: стоит дяде покинуть столицу — и все проблемы исчезнут.

Бертран прекрасно знал, что чувствует племянник. И, словно прося у него прощения за изгнание матери, без единого возражения принял приказ, которого давно ожидал.

— Как прикажете, Ваше Величество. Позвольте лишь напоследок дать вам один совет.

Король сдвинул брови, собираясь отказаться, но Варфал опередил его:

— Мой повелитель, — пропел он с мягкой улыбкой, — герцог служил ещё вашему отцу и сведущ в управлении. Несомненно, его слова будут мудры.

Серапис кивнул.

— Говори.

— Мы, люди, подобны металлу, — начал Бертран. — Закаляемся от ударов судьбы. Ошибаемся. Учимся. Но иногда даже одна ошибка, кажущаяся мелкой, может стоить нам жизни.

Серапис не понял, к чему клонит дядя, но не подал виду.

— Я тебя понял, дядя. Можешь идти.

— Надеюсь, — произнёс тот и поклонился в последний раз.

Он вышел из зала с гордо поднятой головой. Ему хотелось обернуться — но он не сделал этого. Свою роль он сыграл. Дальнейшее зависело от мальчика. Коль справится — достоин, коль нет — не достоин.

— Ты просто уйдёшь? — раздался голос.

На полпути к выходу Бертрана догнал Ворман.

— А что мне остаётся, дорогой Ворман? Это приказ. Неподчинение — измена. Мой брат любил подобные решения, и его сын — не исключение.

— Старый дурак! — прошипел Валуа. — Ты не видишь, что случится, если уйдёшь?!

— Хоть бы делал вид, что мы не ссоримся. Подумай, что скажут те, кто услышит.

— Вся столица знает, что мы друг друга терпеть не можем.

— Верно. Но ты единственный, кому я по-настоящему доверял. Говорят, враг — лучший друг. Я буду скучать по временам, когда мы могли ненавидеть друг друга открыто.

— Не говори, как будто прощаешься. Возвращайся!

— Ты справишься без меня...

— Я не буду помогать королю, который не понимает, кто ему враг, а кто — друг.

— Как и с Феодосией, — мягко заметил Бертран. — Ты защищал её, пока она не показала своё лицо. Я же добился бы её казни, если бы не ты.

— Это другое! — резко оборвал Валуа. — Серапис — ещё ребёнок. Ему нужен ты!

Герцог долго молчал, глядя на старинную картину «Украденная душа». На ней безобразный демон держал человека на руках. Аллегория. Кардинал Казимо — в образе демона, король Василий — в руках, как игрушка. Всё — напоминание о политике, доведшей страну до кровавой бойни.

— Я исполнил последнюю волю своего брата. Теперь хочу умереть с мечом в руках, как рыцарь. А не от ножа в спину — от руки собственного племянника.

— Ты должен был быть королём... — пробормотал Валуа. — Проклятая честь...

— Не говори таких вещей вслух. У стен есть уши. Я оставляю королевство и мальчишку тебе. Уж ты-то не дашь им погибнуть.

— Я сам выбираю свой путь. Но если ты уедешь, не смей возвращаться живым! Гнев мой не погаснет никогда!

Бертран развернулся, улыбнулся и тихо сказал:

— Прощай, Ворман Валуа. Быть твоим соперником — было честью.

Когда он исчез из виду, маркиз произнёс в пустоту:

— Идиот, посвятивший свою жизнь брату и его сыну, был без благодарности выпровожен на верную смерть в дали от своего дома, которую защищал... И кто же тебя будет восхвалять за все заслуги и оплакивать твою гибель?..

Глава 3. Только не ломайся

Всё, что человек не может постичь, вызывает в нём страх. А там, где зарождается страх, быстро вырастает ненависть — подогреваемая завистью и бессилием.

Во времена, когда человечество гинуло от кровожадных зверей, для жителей крепости Барбароса самым страшным было признать: где-то рядом живёт существо, которому сама судьба отказала в смерти. Камель — восемнадцатилетний юноша с женственно-детским лицом, короткими золотистыми волосами, бледной кожей и потухшими глазами цвета рубина, будто в них застыли капли древней крови, — стал олицетворением всего прекрасного и неземного.

Он появился здесь в самый обычный день — шестилетний ребёнок, не ведавший ни страха, ни покоя. Словно загнанный зверёк, он стремился в бой, будто в ярости и крови заключался для него смысл жизни... или путь к освобождению. Сначала народ полюбил его — за ангельскую внешность, такую редкую, что даже старый лорд возжелал затащить его в свою крепость ради грязных утех. Красотой с ним не мог сравниться никто. Но когда жирный старик попытался воплотить свои аморальные фантазии, его раздутый живот был вспорот, а он сам задушен собственными кишками.

Солдаты решили казнить его за убийство. Мальчика морили голодом неделю в ледяной подземной клетке, избивали плетью до обнажения костей, но их ужас лишь рос: раны на его теле затягивались почти мгновенно, не оставляя даже шрама. На площади ему отрубили голову — и она тут же вернулась на место. После четвертования конечности срослись, будто их никто и не отрезал. Огонь не жёг, вода не топила. Даже на виселице он, каким-то проклятым образом, продолжал дышать.

Бессмертие, от которого нет избавления, породило в народе нечто страшнее ненависти — безысходный, липкий страх.

— Даже монстры умирают, когда их ранят. А этот... — шептались солдаты. — Это хуже.

В одну из тех ночей, когда чудовища обрушились на стены, стража, охваченная паникой, упустила его из виду — и Камель исчез. С тех пор он больше не возвращался за крепостные ворота. Его замечали лишь на поле брани — тень с мечом, сражающаяся за людей. Но страх перед ним был сильнее любой благодарности. Люди прозвали его демоном Камель.

Никто не знал, чем он питается, где спит, есть ли у него родня, откуда он явился и чего добивается. Он не говорил, не объяснял — и потому страшил ещё сильнее. Им было проще бояться. Проще ненавидеть.

Камелия, некогда представавшая миру мальчиком, уже давно не придерживалась образа намеренно. Сначала — ради выживания. Потом — потому что так было проще. А после — уже не имело значения. Сейчас она жила одна, в пещере на вершине горы, где, по старым преданиям, когда-то спал Золотой дракон.

Дни её текли, как мутная вода в стоячем пруду. Однообразные, вязкие, без цели и смысла.

— Ты говорил, утром придут люди, чтобы забрать трупы, — проговорила она, медленно оглядывая равнину, — но прошла уже неделя. Я всё закончила сама.

...У них что-то случилось... — отозвался голос в голове.

— Может, они просто устали? — равнодушно предположила она.

Нет. Они ждут кого-то. Готовятся. Люди всегда хотят произвести впечатление на тех, кто важен или может оказаться полезным.

— Неважно, — безучастно бросила она, — здесь воняет невыносимо. Разведи огонь. Ищники, насытившиеся, не уходили.

Они ждали.

Затаились в высокой траве, будто живые тени, и следили за ней.

Девушка казалась хрупкой, почти эфемерной — кожа бледнее лунного света, тонкие руки, усталый шаг. Но звери помнили: та, что выглядит беззащитной, способна рвать плоть без крика.

Пантеры, решившиеся на нападение, уже давно стали пищей для других.

Их смерть была быстрой. Без пафоса. Без борьбы.

Теперь звери смотрели. С благоговейным страхом.

Колыхнувшийся внезапный синий огонь напугал зверей, и они разбежались кто куда. Только белый барс и тигр остались на месте, не шелохнувшись. А потом, будто что-то поняли, пошли за ней — туда, вниз, по узкой тропе, ведущей вдоль скал.

Путь к пещере не лежал вверх, как принято думать о святилищах. Напротив — он вёл вниз, к подножию утёса. Туда, где начиналась щель между камнями, скрытая от глаз. Туда, где по легендам когда-то спал золотой дракон.

Эта тропа была настолько узкой, что идти по ней прямо было невозможно. Камелия двигалась боком, цепляясь за острые выступы, зацарапанные её собственными руками, выдолбленные временем и болью. В некоторых местах путь обрывался, и приходилось ползти, хватаясь пальцами за мельчайшие каменные бугорки, чтобы не сорваться вниз.

Так она спускалась в свою обитель — в пещеру, где скрывалась от мира и людей. В логово, ставшее домом для существа, которое они называли демоном Камель.

Пещера была невидимой снаружи — ни один путник не догадался бы, что среди этих скал кроется мир. Внутри же она была просторна и тиха, как чрево древнего существа. Здесь текла река — молочно-белая, будто растворённая кость, как противоположность багровому Левиафану, знакомому с полем сражений.

Исток её был глубоко внутри, там, где потолок пещеры был пробит и тонкий луч солнца, преломляясь сквозь миллионы кристаллов, рассыпал по пространству тусклое сияние. Свет этот, отражаясь от стен, создавал иллюзию иного измерения — нетленного, неумирающего.

Там же, среди вечной тени, росли растения, что не видели мира. Их широкие листья держали прохладу. По ним порхали существа, похожие на фей — прозрачные, беззвучные, оставляющие за собой лёгкий, звонкий смех, будто эхо забытых грёз. Они не боялись Камелии, не сторонились её. Возможно, были её отражением — такой же бесплотной, неживой, одинокой.

Камелии нравилось наблюдать за феями, лежа на огромном сером плоском камне, гладком, будто королевский кафель, который она помнила ещё со времён своей прежней, далёкой и почти забытой жизни. Кто она такая теперь — эта девушка, обладательница чарующей красоты, с невинным лицом и проклято бессмертным телом?..

С годами она и сама начала забывать, кем была. Память стала песком, рассыпанным в пустыне времени. Всё, что некогда вызывало боль — стало ничтожным. Забылось лицо матери, вечно презирающей её. Лица двух братьев, что убили её. Забылся дед, что отрёкся от неё. Даже верный слуга, некогда преклонявшийся перед ней, исчез из воспоминаний.

Забылись ночи и дни, наполненные болью, слезами и жалостью к себе. Даже редкие светлые воспоминания потускнели и ушли. Всё стало неважным.

Казалось, она стоит над пропастью, спиной к бездне, делая шаг вперёд без цели, без надежды на конец. Остался только голос в голове, как глухой набат, что бил в висках и подсказывал — что делать дальше. Она не знала зачем, но слушалась, как марионетка, ведомая невидимой рукой.

— Камелия, тебе нужно поесть.

— Но я ведь не умру, даже если не буду есть.

— Не говори так. Боль — это не награда. Ты не умрёшь, но станет только хуже.

— Я устала. Потом.

— Камелия!

— Кричи, сколько влезет.

Она ответила спокойно, почти лениво, как человек, давно привыкший к разговорам с пустотой. Разделась, отбросив в сторону порванную одежду, и вошла в белую воду источника — воду, тёплую, как её собственное тело, будто созданную для неё.

После недели гнили, пыли, крови и сражений это тепло казалось редким утешением. Она села, вытянула ноги, стала тереть кожу — до красноты, до жжения, до бледной гладкости.

— Почему ты затих?

— Ты ведь всё равно меня не слушаешь...

— Звучишь, как обиженный мальчик.

Она усмехнулась — сухо, будто сил на смех больше нет.

— Скажи, Наф...

— Нафанаил!

— Наф... ты ведь меня видишь?

— ...Да.

— Прекрасно. Значит, ты наблюдаешь, как я раздеваюсь, моюсь и хожу по нужде?

— Нет. Я обещал, что не буду смотреть в такие моменты.

— Правда?.. — её глаза потускнели. — Я... не помню. Когда ты расскажешь, зачем я здесь? Всё время говоришь, что я должна выполнить "их" волю, но как мне исполнить то, чего не знаю? Кто они? Что им нужно?

Молчание.

— Наф?..

— Некоторые вещи должны остаться в тени, моя Камелия. Не задавай вопросов, на которые не получишь ответов. Знай одно — я всегда рядом. Даже когда смерть наконец настигнет тебя, я буду там. Я поклялся. Эти дни пройдут. Придёт время, и ты снова научишься смеяться — по-настоящему, не из вежливости, не из боли. Я буду рядом. Всегда. Моя прелестная принцесса, нежная воительница, смысл всей моей сути... Прошу тебя, только не ломайся. Не сейчас.

Он говорил тихо, ласково, с едва уловимой болью.

А она, не ответив, уложила голову и грудь на гладкий камень посреди источника и закрыла глаза. Сон пришёл легко — не как спасение, а как исчезновение.

Глава 4. История про Мельхиор и Отта

Пока на севере, после гибели Ольши, солдаты в крепости Барбаросса гибли от монстров и возводили стену до её нынешней высоты, на юге королевство Эсвар захватывало Алипед — пустынное царство, истощённое высыханием реки Торро. Лишь позднее жители Алипеды поняли, что причина бедствия была в самих эсварцах, изменивших течение реки высоко в верховьях. Добраться туда было почти невозможно: путь занимал месяцы, а тех, кто добирался — поджидала засада.

Несмотря на своё проигрышное положение, жители великой пустыни долгое время удерживали царство, полагаясь на редкие дожди и собранную влагу. Бывший король Эсвара, Одилиан, отец нынешнего правителя Сераписа, оценил их стойкость и не стал полностью истреблять царский род. Вместо этого он выдвинул несколько условий, позволивших сохранить часть независимости. Одним из них было — отправить двух младших принцев в Эсвар в качестве залога. Так старший, ставший новым царём вместо обезглавленного отца, не забывал бы: кровь его рода всё ещё под прицелом.

Новый царь принял все условия, но попросил отсрочку — чтобы проститься с братьями. Он назначил день, когда те должны будут покинуть отчий дом, и король Эсвара согласился, проявив уважение.

И вот срок подошёл. Два принца пересекли выжженную пустыню и направились в логово врага — чтобы провести остаток своих дней вдали от палящего солнца, среди чуждых стен и взглядов, без надежды на возвращение.

— Братец, сколько ещё мы будем ехать? — пожаловался пятнадцатилетний Отта. — Меня уже тошнит.

Его янтарные глаза поблёскивали от слёз — усталость и укачивание изматывали. Уже больше месяца они тряслись в карете, и Отта, с рождения слабый, переносил дорогу хуже всех. Его берегли, словно тонкий фарфор: младший, самый красивый из братьев. Не то чтобы старшие были уродливы, но в Отте жила странная, почти женственная прелесть, унаследованная от матери — за которую он тайно стыдился, особенно рядом с суровой мужественностью братьев.

Мельхиор молча взглянул на брата — сочувственно, но растерянно. Он не знал, чем помочь.

Останавливать карету было нельзя: капитан сопровождения, человек с раздражённым лицом и пустыми глазами, уже не раз одёргивал их. «Не задерживайте отряд пустыми жалобами», — повторял он, будто их судьба была досадной обузой. Мельхиор отлично понимал: перед ними не воин, а мелочный трус, которому приятно чувствовать себя важным рядом с пленными принцами.

— Потерпи ещё немного, Отта, скоро будет привал...

Младший принц сжал кулачки и опустил глаза. По щекам скатились горячие слёзы, предательские, бессильные — как он сам в этот момент.

— Если бы отец не проиграл...

— Отта!

Младший сразу замолчал, прикусив губу. Он знал: отец сделал всё, что мог. Но в такие минуты нужен был кто-то, кого можно винить.

Мельхиор знал это — и не осуждал. Но и позволить Отте идти этим путём не мог.

Он пересел к брату и заключил его в объятия, сквозь сопротивление.

— Ненавидь тех, кто вынудил нашего брата отпустить нас в эту даль, — прошептал он. — Но не показывай этого. Мы должны выжить. Чтобы однажды вернуться.

Отта метнул взгляд на окна кареты, тревожно — будто мир за стеклом мог подслушать.

— Но как мы это сделаем, брат?..

— Пока мы живы — всё возможно, — тихо ответил Мельхиор. — В столице разберёмся. Главное — не показывай злобы, не выгляди выше их. Стань другом, стань тенью.

Он наклонился ближе:

— Самый верный яд — тот, что выпит в неведении. Тот, что доходит до сердца.

— Я ведь такой слабый... Что я могу? Если бы это был Озахар — вы бы всё смогли вместе. А я...

— Не смей, — оборвал Мельхиор, запуская пальцы в чёрные, как смоль, кудри брата. — Ты забыл, сколько хлопот ты нам доставлял? Твоя хитрость и язык — оружие не хуже меча. Ты мог заговорить кого угодно, и родители всегда верили именно тебе.

Он тихо усмехнулся:

— Признаться, Отта... ты прирождённый интриган. Если уж быть пленником — то пусть же Эсвар падёт от тебя. Но не спеши. Яд работает в тишине.

Младший принц обнял старшего и закрыл глаза, пытаясь заглушить тошноту. Его успокаивали тепло этих объятий, знакомый запах пустыни, словно впитавшийся в кожу брата, и голос, дарующий надежду, как глоток воды в зной.

— Я сделаю, как ты скажешь, бартец...

До столицы оставалась ещё неделя пути. Их встреча была сухой и холодной — как и ожидалось. В первый же день, не дав даже переодеться, принцев провели в тронный зал, где их ждали молодой король, его советник и несколько знатных лордов из совета.

— Добро пожаловать в Эсвар, дорогие принцы из Алипеды, — громко и радостно произнёс Серапис, восседаая на высоком троне.

Мельхиору и Отте сразу бросилось в глаза: сын завоевателя не умеет скрывать своих чувств. Их с детства учили иному.

Но они лишь молча склонились в поклоне — без тени вражды, без намёка на презрение. Ни один мускул не дрогнул на их лицах.

— Надеюсь, дорога не была слишком тяжёлой? — с неестественной учтивостью поинтересовался Серапис. — Я рад, что вы всё-таки прибыли.

О принцах Алипеды слагают легенды. Старший — политик, вождь. Средний — воин, молния в бою. А младший... — он с усмешкой осмотрел Отту с головы до ног, — словно бы красавец из сказки.

Будь вы немного старше — возможно, и не проиграли бы. Но что есть — то есть.

— Благодарю за заботу, Ваше Величество, — Мельхиор положил ладонь на сердце, сохраняя безупречное самообладание. Лишь внутри всё кипело от ярости — но он не позволил себе и тени эмоции.

— Прошлое уже осталось позади, будущее — в тумане. А сегодня мы стоим перед Вами, как залог мира и смирения царства Алипеды перед величием Эсвара.

Пусть боги благоволят вашему правлению, столь щедро принявшему нас под свою сень. Мы приложим все усилия, чтобы быть достойными этого гостеприимства — и не омрачать ваше спокойствие нашим присутствием.

— Хм... — негромко хмыкнул Серапис, и взгляд его стал холоднее.

Он уже невзлюбил Мельхиора — слишком прямой, слишком уверенный, слишком похож на легенды, в которых его покойный отец видел идеал.

— Вы и вправду умеете красиво подчиняться.

Он лениво откинулся на трон.

— Помнится, когда вы были ещё почти мальчишкой, вы ранили в бою моего дядю — Бертрана Кастиля. Стрелой в плечо. Именно с этого и началась ваша "великая" слава, разве не так?

— Сколько вам тогда было? Тринадцать?

— Тринадцать, Ваше Величество, — спокойно ответил Мельхиор.

— Тогда мы были врагами. Я лишь исполнил свой долг перед родиной.

Он слегка склонил голову.

— Если командующий всё ещё помнит ту рану, я готов принести извинения... но, боюсь, не вижу его среди этих благородных господ.

Серапис усмехнулся, словно выждал именно этот момент:

— Какое совпадение. Принц Мельхиор, вы сможете принести извинения лично — моему дяде, как только встретитесь.

Маркиз Валуа опустил взгляд, словно в этот миг на его плечи легла тяжесть всех поражений Алипеды. Он знал: решение уже принято.

— Вы славитесь своей доблестью, — продолжил Серапис с фальшивой любезностью, — а потому для вас найдётся достойная возможность: мой дядя Бертран Кастиль сейчас в крепости Барбаросса. Вы отправитесь туда — и станете его учеником.

Он сделал паузу.

— Надеюсь, вы наслышаны о нём?

Хоть Серапис так говорил, все знали, что эта идея была Варфала, который отчего-то посчитал нахождения двух принцев вместе в столице плохой идеей, но старшего принца можно было отослать куда-нибудь в другое место, не рискуя его жизнью. Ведь если кто-то из них умрет велика вероятность что Алипеды может восстать, а этого им сейчас совсем не хотелось, учитывая, что Бертран Кастиль со своими солдатами был на севере, а им правил ребенок, да простолюдин в придачу, который по своему возрасту далеко от хозяина не ушел.

— Я наслышан об этой крепости, — сдержанно ответил Мельхиор.

Ни он, ни его брат не выдали ни тревоги, ни досады. Их лица были спокойны, осанка — безупречна. Даже стоя перед чужим троном, они не утратили ни капли достоинства.

— Для меня будет честью отправиться туда и стать свидетелем сражений между людьми и чудовищами, о которых я лишь слышал в песнях. Если же мне доведётся учиться под началом вашего дяди, то честь моя удвоится.

Слова Мельхиора звучали кротко, но в каждом обороте чувствовалась твёрдость, не поддающаяся унижению.

Серапис расплылся в довольной улыбке, приняв это за покорность. Он ещё долго разглагольствовал о славе своего рода, и только когда насытился собственной речью, отпустил принцев в их покой.

— Этот мальчишка корчит из себя владыку мира, — пробормотал Отта, едва за ними захлопнулась дверь.

— У стен есть уши, — отозвался Мельхиор. — Говори тише. А лучше — вовсе молчи, пока не научишься контролировать пыл.

— Прекрати ворчать!

Отта взмахнул рукой — в воздухе закружились золотистые крупинки, как песок в полуденной жаре. Они сгустились в прозрачную завесу, поглотив все звуки. Мир стал отстранённым, как будто покрытым мягкой, плотной тканью.

— Почему ты согласился? Ты ведь можешь... умереть там.

Мельхиор прошёл к дивану, медленно сел, сцепил пальцы и опустил голову.

— Потому что сейчас — не время для страха. И потому что у нас нет выбора.

Он взглянул на брата:

— А тебе пора научиться владеть тем, что дала тебе мать.

Это был не просто свет — а песчаные золотые искры, рождающиеся по воле носителя. Они не освещали, а глушили звук — будто оборачивали мир в бархатную тишину. Иногда вызвали видения — зыбкие, как сон, или пугающе отчётливые, словно истина, от которой хочется закрыть глаза.

В Алиппеде эту силу считали божественной благодатью — знаком избранного. Она передавалась по крови женщин царского рода: строго по материнской линии. Потому-то династия и берегла кровь, не пуская её в смешение, как священную реликвию.

Но сто лет назад свет исчез. Дети рождались — но никто больше не зажигал песок. Легенды постепенно отступили в сказки, в песни, в молитвы. И только память оставалась — без надежды.

Пока не родился Отта.

В нём песчинки вновь заплясали, золотым свечением окрасив мир. Почему он? Никто не знал. Но его появление стало знамением: возможно, Алиппеде ещё жива. Возможно, боги не отвернулись.

—... Ответь сначала на мой вопрос, - потребовал юноша.

Мельхиор откинулся на подушки и устало закрыл глаза. Несколько секунд он молчал, прежде чем ответить:

— Пока есть возможность — нужно набираться опыта, Отта. Ты — здесь. Используй их. Короля, его советника... Все эти высокомерные лица. Кто-то из них опасен, кто-то глуп — но тебе под силу.

Будь здесь Бертран или Одилиан — было бы иначе. Но сейчас... тебе повезло.

Он встал и подошёл ближе.

— Присматривайся к ним: маркиз Валуа, граф Хайфалл, барон Мадейра и этот советник. Учи их язык, их жесты, их слабости. А я пойду другим путём — на север, в крепость Барбаросса. Там, где монстры и война.

— Почему? — прошептал Отта. — Это же самоубийство...

— Потому что ничто не закаляет воина сильнее, чем смерть, от которой нет щита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.